

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с самоубийством»

Обучающийся

Д.М. Мудров

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Т.Ю. Дементьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Самоубийство было и остаётся многоплановым явлением, затрагивающим самые разные сферы жизнедеятельности общества. Те, или иные аспекты данного феномена изучались и продолжают изучаться в рамках науки философии, социологии, психологии и т.д.

Несомненно, важным является правовой аспект исследования обозначенного явления, неразрывно связанный с нравственной и психологической стороной проблемы.

В последние годы участились случаи осуществления целенаправленной деструктивной деятельности, не только создающей почву для суицидального поведения, но и активно провоцирующей лишение себя жизни лицами, вовлекаемыми в такую деятельность, что предопределило шаги законодателя, направленные на противодействие такой противоправной практике уголовно-правовыми средствами.

С учётом относительной новизны такого рода деяний, а также специфики подобной сферы уголовно-правового регулирования, представляется необходимым проведение соответствующих исследований, направленных на совершенствование существующих составов преступлений в сфере самоубийства, а также практики их квалификации.

Цель работы: провести уголовно-правовую характеристику преступлений, связанных с самоубийством в нормах действующего уголовного законодательства Российской Федерации.

Тема работы разрабатывалась в трудах различных авторов. Стоит выделить работы таких специалистов как: И.Б. Бойко, М.С. Гринберг, Н.М. Елисеева, Н.И. Загородников, Д.Г. Трунов и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие самоубийства и формирование ответственности преступления, связанные с ним в отечественном уголовном праве	7
1.1 Понятие самоубийства	7
1.2 Формирование и развитие ответственности за преступления, связанные с самоубийством в отечественном уголовном праве	10
Глава 2 Особенности объективных признаков преступлений, связанных с самоубийством	18
2.1 Особенности определения объекта преступлений, связанных с самоубийством.....	18
2.2 Особенности признаков объективной стороны преступлений, связанных с самоубийством.....	20
Глава 3 Особенности субъективных признаков преступлений, связанных с самоубийством	30
3.1 Особенности субъекта преступлений, связанных с самоубийством	30
3.2 Особенности признаков субъективной стороны преступлений, связанных с самоубийством.....	34
Заключение	39
Список используемой литературы и используемых источников	44

Введение

Актуальность исследования. Самоубийство было и остаётся многоплановым явлением, затрагивающим самые разные сферы жизнедеятельности общества. Те, или иные аспекты данного феномена изучались и продолжают изучаться в рамках науки философии, социологии, психологии и т.д.

Несомненно, важным является правовой аспект исследования обозначенного явления, неразрывно связанный с нравственной и психологической стороной проблемы.

Право каждого на жизнь провозглашено в Конституции Российской Федерации [24] (Конституции РФ) в качестве одной из важнейших конституционно-правовых гарантий (ч. 1 ст. 20), определяя базовую ценность жизни индивида в современном правовом государстве, что позволяет судить о месте и роли данного права.

С учётом огромной социальной ценности жизни каждого, государство не может оставаться «в стороне» от проблемы распространённости самоубийств, что актуализирует вопрос активного противодействия данному негативному социальному явлению.

Как указывают отдельные специалисты, «в определенном смысле распространение самоубийств, их частота отражают уровень морального здоровья общества, уровень социальной напряженности, материальное благополучие людей. Суицидальное поведение, как и любое другое, социально детерминировано, следовательно, имеет под собой определенную социальную почву» [36, с. 5].

В последние годы участились случаи осуществления целенаправленной деструктивной деятельности, не только создающей почву для суицидального поведения, но и активно провоцирующей лишение себя жизни лицами, вовлекаемыми в такую деятельность, что предопределило шаги законодателя, направленные на противодействие такой противоправной практике уголовно-

правовыми средствами. В итоге, в нормах действующего Уголовного кодекса Российской Федерации [41] (УК РФ), помимо ранее существовавшего состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, был обозначен ряд новых составов уголовно наказуемых деяний, связанных с самоубийством – 110.1 и 110.2 УК РФ.

С учётом относительной новизны такого рода деяний, закреплённых в действующем уголовном законодательстве, а также специфики подобной сферы уголовно-правового регулирования, представляется необходимым проведение соответствующих исследований, направленных на совершенствование существующих составов преступлений, связанных с самоубийством, а также правоприменительной практики, связанной с их уголовной квалификацией.

Таким образом можно рассчитывать на снижение рисков, которые влечёт противоправная деятельность, анализируемая в рамках данной темы для подрастающего поколения, как наиболее уязвимой части населения страны, а также обеспечить единообразие практики по данной категории преступлений.

Цель исследования: провести уголовно-правовую характеристику преступлений, связанных с самоубийством в нормах действующего уголовного законодательства Российской Федерации.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие такого социального явления самоубийства;
- определить основные исторические этапы формирования и развития уголовной ответственности за преступления, связанные с самоубийством;
- рассмотреть особенности объективных и субъективных признаков преступлений, связанных с самоубийством;
- сформулировать выводы и предложения по результатам проведённой работы.

Объект исследования: комплекс общественных отношений, направленных на комплексную уголовно-правовую охрану права граждан на жизнь.

Предмет исследования: уголовно-правовые нормы, а также материалы правоприменительной практики, касающиеся противодействия противоправным деяниям, связанным с самоубийством уголовно-правовыми средствами.

Методология исследования: исследование основано на широком комплексе частных и общих методов научного познания (индукции, дедукции и т.д.), которые позволяют достичь исследовательской цели и поставленных задач.

Степень разработанности темы исследования. Тема работы разрабатывалась в трудах различных авторов. Стоит выделить работы таких специалистов как: И.Б. Бойко, М.С. Гринберг, Н.М. Елисеева, Н.И. Загородников, Д.Г. Трунов и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие самоубийства и формирование ответственности преступления, связанные с ним в отечественном уголовном праве

1.1 Понятие самоубийства

В разных сферах научного знания даются разнообразные определения самоубийства или суицида (от лат. *sui caedere* – убивать себя), рассматриваемых как категории синонимы.

С учётом того, что категория самоубийство (суицид) выступает в качестве терминологической основы осуществления уголовного преследования за преступления, связанные с самоубийством, предусмотренные ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, представляется необходимым определить содержание данного понятия.

Сложность определения самоубийства (суицида) связана с тем, что различные сферы научного знания наполняют данную категорию разным по объёму смыслом, в результате чего границы понятия размываются, что недопустимо для решения вопросов, связанных с квалификацией преступлений в анализируемой сфере.

Многие специалисты, определяя данное явление социальной действительности, ограничиваются максимально краткими определениями этого понятия.

В советский период, А.Г. Амбрумовой и В.А. Тихоненко, было сформулировано следующее определение: «суицид – это намеренное лишение себя жизни» [2, с. 4].

Полностью аналогичное определение искомого понятия сформулировано в словаре русского языка С.И. Ожегова: «самоубийство – это намеренное лишение себя жизни» [30, с. 604].

Такой подход в понимании является достаточно распространённым, в пользу чего говорит использование подобных оборотов в современных исследованиях данной проблематики. Так, по мнению одного коллективов

авторов, «суицид – это умышленное лишение себя жизни, самоубийство» [37, с. 65].

Есть точки зрения, в рамках которых делается акцент на ряде дополнительных признаков, что создаёт предпосылки для разграничения самоубийства и иных смежных категорий.

Так Л. Балабанова определяет суицид как «акт самоубийства, совершаемый человеком в состоянии сильного душевного расстройства, либо под влиянием психического заболевания; осознанный акт устранения из жизни под воздействием острых психотравмирующих ситуаций, при которых собственная жизнь как высшая ценность теряет смысл» [5, с. 51].

Тем не менее, включение в понятие большого количества признаков, не являющихся обязательными, применительно ко всем ситуациям, является ошибочным и не способствует конкретизации определения.

Так, несмотря на то, что самоубийство действительно, как правило, имеет место при наличии острой психотравмирующей ситуации, практике известны случаи совершения самоубийства (или попыток совершения такового) в иных условиях и под воздействием иных причин, в том числе, под влиянием других людей.

В основном, специалисты пишут о таких признаках суицида, как «намеренность», «сознательность» и «самостоятельность» акта лишения себя жизни.

Как отмечает Д.Г. Трунов, «очень близки друг другу критерии сознательности и намеренности. Тем не менее, необходимо отметить между ними существенную разницу: сознательность буквально означает, что человек во время совершения действий находится в сознании и способен дать отчет о своих действиях, а намеренность обозначает наличие у человека желания умереть» [37, с. 66].

Такое понимание является верным.

Также в науке высказываются мнения о степени осознанности намерения индивида лишить себя жизни. Как пишет В.С. Ефремов, «степень

осознания суицидального намерения может существенно различаться от ясно осознаваемой цели покончить жизнь самоубийством (с возможной борьбой суицидальных и антисуицидальных тенденций) до импульсивного акта или аффективного состояния, в рамках которых возникновение действий, направленных на самоубийство, может не осознаваться субъектом» [11, с. 51].

Но, как представляется, вышеназванный ряд признаков должен быть дополнен таким признаком, как «добровольность». Даже в ситуациях активного склонения к совершению самоубийства, индивид принимает соответствующее решение сам и самолично реализует его (или совершает попытку его реализации). В противном случае будет иметь место убийство, понимаемое как лишение жизни другого человека.

Таким образом, добровольность решения о суициде, а также личный характер реализации такого намерения, позволяют нам разграничить самоубийство, как социально осуждаемый, но уголовно не наказуемый акт и убийство, являющееся тяжким преступлением против жизни.

Также необходимо разграничивать самоубийство и иные формы асоциального, саморазрушительного поведения, которое в отдалённой перспективе может привести к летальному исходу – наркомания, токсикомания, алкоголизм и т.д.

При самоубийстве имеет место непосредственная целевая направленность на лишение себя жизни, в то время как иные формы саморазрушительного поведения имеют другие цели, а возможный уход из жизни (например, при передозировке наркотического вещества) является побочным явлением, находящимся за рамками цели индивида.

Также может быть выделен критерий достаточности, предполагающий, что избираемые лицом средства и способы реализации намерения лишиться себя жизни таковы, что при обычных условиях незамедлительно и неминуемо ведут к гибели, предполагая чёткую причинно-следственную связь между действием и последствием в виде наступления смерти.

Данный признак позволяет нам разграничить самоубийство и, так называемое, «демонстративное самоубийство», понимаемое как ситуация, при которой «лицо, не имея намерения лишиться себя жизни, совершает действия, не ведущие к гибели, но создающие видимость такой опасности для окружающих в целях привлечения к себе внимания» [2, с. 30].

Таким образом, опираясь на выделенные критерии, можно сформулировать следующее определение самоубийства: это совершение индивидом добровольных, самостоятельных, осознанных действий, непосредственно направленных на незамедлительное лишение себя жизни и достаточных для этого при обычных условиях.

Данное определение может позволить разграничить самоубийство (суицид) и другие формы саморазрушительного поведения, а также позволить провести разграничение с убийством, как противоправным лишением жизни другого человека.

1.2 Формирование и развитие ответственности за преступления, связанные с самоубийством в отечественном уголовном праве

Безусловно, феномен самоубийства существует столько же, сколько существует человечество, в той или иной мере проявляясь в любых культурах и социально-правовых условиях.

Как указывает В.Б. Хатуев, «вплоть до XVII века мировосприятие и быт русского народа формирует церковь. К самоубийцам, совершившим деяние умышленно, находясь в здравом уме, и покушавшимся на самоубийство применялись церковные наказания: первые лишались церковного погребения, вторые временно отлучались от церкви» [45, с. 81].

Вопрос о том, на каком именно этапе развития отечественного уголовного права произошла криминализация самоубийства, не просто. Тем не менее, ряд авторов, исследовавших данный спектр вопросов, полагает, что

«введение ответственности за совершение самоубийства впервые упоминается в период правления Петра I» [25, с. 133].

Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. [3] в артикуле 164 впервые вводит ответственность за преступления против собственной жизни: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу».

Соответствующие положения включал в себя и такой исторический правовой документ, как Морской устав 1720 г.: «Кто захочет сам себя убить и его в том застанут, того повесить на райне, а ежели кто сам себя уже убьет, тот и мертвый за ноги повешен быть имеет» [29].

Парадокс заключается в том, что попытка добровольного лишения себя жизни каралась лишением жизни принудительно, в качестве уголовного наказания, что не может не вызывать удивления. Таким образом, ответственность за попытку совершения самоубийства была крайне суровой и единственным объяснением такого подхода со стороны законодателя может быть лишь обеспечение предупреждения совершения самоубийств, путём устрашения населения строгостью наказания.

Как указывается авторами, «В XVII – начале XIX предпринимались безуспешные попытки реформирования уголовного законодательства с сохранением наказания за самоубийство во всех предлагаемых проектах Уголовного уложения» [45, с. 83].

В ходе реформ второй половины XIX столетия, нормы, предусматривающие ответственность за самоубийство, также претерпели изменения. В нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [42] дифференцируются: непосредственное убийство себя самого, покушение на самоубийство, а также участие иных лиц в самоубийстве.

При этом, как отмечают исследователи, «самоубийство квалифицировалось как преступное деяние, если имелся умысел на лишение жизни себя, а также отсутствовали признаки психического расстройства. Соответственно, попытка лишения себя жизни в безумии, сумасшествии или

временном от каких-либо болезненных припадков беспамятстве не квалифицировалась как преступление» [7, с. 58].

В соответствии с уголовно-правовым регулированием, покончивший жизнь самоубийством подлежал наказанию, несмотря на кажущуюся современному человеку абсурдность применять наказание к умершему. Наказание представляло собой «лишение Христианского погребения» (ст. 1943 Уложения).

Покушение на самоубийство также влекло привлечение к уголовной ответственности и наказывалось покаянием «по распоряжению своего духовного начальства» (ст. 1944 Уложения).

Участие иных лиц в совершении самоубийства предполагалось в двух формах: «через доставление средств к тому, или иным каким образом будет участвовать в совершении им сего преступления» (ст. 1946 Уложения) и «родителями, опекунами и другими, облеченными властью лицами через явное, соединенное с жестокостью злоупотребление власти, побуждение подчиненное им или вверенное их попечению лице к самоубийству» (ст. 1947 Уложения).

В дальнейшем, к установлению уголовной ответственности для лица, реализовавшего намерение лишиться себя жизни, по мере развития научной мысли, сформировалось критическое отношение.

Так П.Д. Калмыков утверждал, что «все меры, принимаемые после смерти самоубийцы, касаются только его близких, которые в этом проступке невинны, поэтому репрессивные в сем отношении постановления уголовных законодательств можно оправдать только намерением устроить других, чтобы другие лица не следовали примеру самоубийцы» [15, с. 460].

Действительно, единственной целью привлечения к ответственности в таком случае было обеспечение общей превенции.

Таким образом, в результате реформирования уголовного законодательства, ответственность за самоубийство была исключена.

Уголовное уложение 1903 г. [40] уже не предусматривало ответственность за непосредственное совершение самоубийства, но содержало состав преступления в виде предоставления средств к самоубийству, «если вследствие сего самоубийство последовало» (ст. 462 Уложения).

Также предусматривалась ответственность за «подговор к самоубийству лица, не достигшего двадцати одного года, или лица, заведомо неспособного понимать свойства и значение им совершаемого или руководить поступками, или содействие самоубийству таких людей советом или указанием, доставлением средства или устранением препятствия, если вследствие сего самоубийство или покушение на оное последовали» (ст. 463 Уложения).

С переходом к советскому государству и праву после Революции, существовавшая ранее тенденция сохранилась – самоубийство не считалось преступным деянием, но, при этом, социалистическая мораль исходила из признания акта самоубийства «деянием, заслуживающим серьезного нравственного осуждения» [13, с. 355].

Советский законодатель в УК РСФСР 1922 г. [31] предусмотрел следующий состав преступления: «Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали» (ст. 148 УК РСФСР).

При этом, законодатель в приведённой выше формулировке практически полностью воспроизвёл ст. 462 и 463 Уголовного уложения 1903 г.

В ч. 2 ст. 141 УК РСФСР 1926 г. [32] был воспроизведён состав преступления, содержащийся в ст. 148 УК РСФСР 1922 г., а в ч. 1 ст. 141 получил своё закрепление состав доведения до самоубийств.

В дальнейшем, уже в нормах УК РСФСР 1960 г. [14], законодатель оставил лишь один состав преступления, связанного с самоубийством –

доведение до самоубийства, скорректировав и дополнив сформулированное в нормах УК РСФСР 1926 г. положение.

В новом уголовном законе использовалась следующая формулировка: «Доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства» (ст. 107)

Преемственность положений советского УК РСФСР, применительно к вопросам ответственности за преступления, связанные с самоубийством, сохранилась. Особенная часть принятого УК РФ 1996 г. содержала достаточно краткую норму, предусматривающую ответственность за доведение до самоубийства: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» (ст. 110 УК РФ).

Лишь в 2017 г. законодатель подверг реформированию нормативные подходы к уголовной ответственности за противоправные деяния, связанные с самоубийством.

Дело в том, что за рамками уголовной ответственности находился ряд действий, не только создающих почву для суицидального поведения, но и активно провоцирующих лишение себя жизни лицами, вовлекаемыми в такую деятельность, что предопределило шаги законодателя, направленные на противодействие такой противоправной практике уголовно-правовыми средствами.

В результате, с принятием Федерального закона от 29.07.2017 г. № 120-ФЗ [44] в УК РФ была скорректирована ст. 110 УК РФ, предусматривавшая ответственность за доведение до самоубийства – в рамках введённой ч. 2 ст. 110 УК РФ получили своё оформление квалифицированные составы преступления. Также были введены две новые статьи: ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст.

110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Следует согласиться что «преступления, связанные с суицидом (ст. 110 – 110.2 УК РФ), обладают повышенной общественной опасностью, причиняют существенный вред отношениям в сфере охраны жизни человека, поэтому их криминализация представляется вполне обоснованной» [26, с. 128].

Спустя почти два месяца, Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 248-ФЗ были значительно увеличены санкции по ряду (в первую очередь, квалифицированных) составов анализируемых преступлений, что стало новым витком усиления предупредительного потенциала соответствующих уголовно-правовых норм.

Таким образом, в нормах действующего УК РФ на данный момент предусматривается ответственность за разные формы противоправного поведения, связанного с самоубийством, что является верным решением законодателя.

Государство, в контексте полноценного обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан (в первую очередь, не достигших совершеннолетия и, как следствие, нуждающихся в особой защите со стороны государства), должно активно способствовать предотвращению самоубийств среди детей, а также активно противодействовать различными формами содействия суицидам.

Посредством внесённых изменений, УК РФ пополнился уголовно-правовыми средствами такого противодействия, что следует оценить положительно, учитывая современные реалии, создающие предпосылки для повышенного внимания к вопросу защиты жизни – в особенности подрастающего поколения, подверженного вероломному, тлетворному влиянию извне, направленному на доведение до самоубийства, содействие в совершении самоубийства и т.д.

Как представляется, законодателю удалось учесть и криминализировать различные современные формы деструктивного поведения, направленного на лишение лицом себя жизни.

По итогам первой главы работы можно сформулировать общие выводы.

Поскольку определение самоубийства (суицида) отсутствует в нормативно-правовом регулировании, но, при этом, выступает в качестве терминологической основы осуществления уголовного преследования за преступления, связанные с самоубийством, предусмотренные ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, представляется необходимым определить содержание данного понятия.

Опираясь на выделенные в науке критерии, можно сформулировать следующее определение самоубийства: это совершение индивидом добровольных, самостоятельных, осознанных действий, непосредственно направленных на незамедлительное лишение себя жизни и достаточных для этого при обычных условиях.

Данное определение может позволить разграничить самоубийство (суицид) и другие формы саморазрушительного поведения, а также позволить провести разграничение с убийством, как противоправным лишением жизни другого человека.

История развития норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с самоубийством в отечественном уголовном праве, берёт своё начало в дореволюционном законодательстве.

Первоначально, преступными и наказуемыми считалось как лишение жизни себя, так и содействие таковому в отношении других лиц, что находило своё последовательное развитие в законодательстве начиная с периода правления Петра I. Значительная проработка соответствующих норм произошла в ряде кодифицированных актов, принятых в XIX столетии.

На данном этапе попытка добровольного лишения себя жизни каралась лишением жизни принудительно, в качестве уголовного наказания, что не может не вызывать удивления. Таким образом, ответственность за попытку

совершения самоубийства была крайне суровой и единственным объяснением такого подхода со стороны законодателя может быть лишь обеспечение предупреждения совершения самоубийств, путём устрашения населения строгостью наказания.

В конечном итоге, к установлению уголовной ответственности для лица, реализовавшего намерение лишить себя жизни, по мере развития научной мысли, сформировалось критическое отношение. в результате реформирования уголовного законодательства, ответственность за самоубийство была исключена.

Соответствующая тенденция сохранилась в советском уголовном законодательстве. Во второй половине XX столетия, преступным и наказуемым стало считаться лишь доведение до самоубийства. Преемственность соответствующего состава прослеживается и в нормах принятого в 1996 г. УК РФ.

В дальнейшем, в результате целенаправленных законодательных изменений, УК РФ пополнился уголовно-правовыми средствами противодействия разным формам противоправного поведения, связанного с самоубийством (особенно среди несовершеннолетних), что следует оценить положительно.

Глава 2 Особенности объективных признаков преступлений, связанных с самоубийством

2.1 Особенности определения объекта преступлений, связанных с самоубийством

В уголовно-правовой науке вопрос об объекте преступления является одним из традиционно важных. Под объектом преступления принято понимать то, чему преступлением причиняется вред – как правило, это определённые общественные отношения, на защиту которых направлены соответствующие уголовно-правовые нормы.

Принято выделять: родовой, видовой и непосредственный объект преступления.

Под родовым объектом подразумевается обособленная группа однородных общественных отношений, на которые осуществляется посягательство через совершение преступлений одного рода, в чём и прослеживается взаимосвязь преступных деяний, включённых законодателем в один раздел УК РФ – родовой объект фигурирует в наименовании разделов.

Анализируемые составы преступлений, связанных с самоубийством, включены законодателем в раздел VII УК РФ «Преступления против личности». Соответственно, родовой объект исследуемых противоправных деяний – это общественные отношения, которые направлены на охрану прав и свобод личности.

Родовой объект конкретизируется, применительно к составам преступлений, включённых в главу соответствующего раздела УК РФ, в видовом объекте. Анализируемые составы входят в содержание главы 16 «Преступления против жизни и здоровья», что позволяет авторам делать вывод о том, что видовым объектом преступлений, связанных с самоубийством являются «общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком естественного, подтвержденного

международными и конституционными актами права на жизнь и обеспечивающие безопасность жизни» [20, с. 395].

Подобным образом определяют видовой объект другой авторский коллектив: «это общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни другого человека» [21, с. 154].

Важность уголовно-правовой защиты жизни невозможно переоценить. Как верно указывает В.В. Комарова, «право на жизнь – базовое субъективное право и важнейший элемент правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации» [16, с. 46].

Есть мнение, что непосредственный объект таких деяний не общественные отношения, связанные с охраной жизни индивида, его право на жизнь, «как объективное существующее право каждого, которому корреспондирует обязанность воздерживаться от посягательств на жизнь любого другого человека» [23, с. 38].

Есть мнение, в соответствии с которым в качестве объекта посягательства, наряду с соответствующими общественными отношениями, специалистами рассматривается сама жизнь человека.

Ещё в советский период Ю.А. Демидов высказывал следующую позицию: «ценность жизни или здоровья во много раз превышает совокупность ценность общественных отношений, которые страдают при совершении преступного посягательства. Признание охраняемым объектом только общественных отношений, вело бы к противоречию этическим представлениям о ценностном значении жизни индивида и прямым указанием уголовного закона» [9, с. 155].

Такой авторский довод, довольно конструктивен. Совершая деструктивные действия, направленные на то, чтобы потерпевший сам лишил себя жизни, субъект преступления прямо и непосредственно посягает на жизнь потерпевшего. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что непосредственным объектом данных деяний выступает жизнь человека.

Достаточно оригинальный подход предлагается авторским коллективом комментариев к действующему УК РФ под редакцией С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова: «Данный состав преступления, как нам представляется, содержит основной и дополнительный непосредственные объекты. Основным признается жизнь другого человека, а в качестве дополнительного объекта законодатель определяет честь и достоинство человека, который решается на самоубийство» [22, с. 295].

С такой позицией можно согласиться, определив в качестве основного непосредственного объекта жизнь человека, а в качестве дополнительного непосредственного объекта честь и достоинство личности.

2.2 Особенности признаков объективной стороны преступлений, связанных с самоубийством

Объективная сторона – это «сердцевина» состава преступления, поскольку включает в себя комплекс объективных признаков, характеризующих непосредственно деяние. Лишь установление полного соответствия между действиями (бездействием) виновного, позволяет нам говорить о том, что совершено общественно опасное деяние, предусмотренное конкретным составом преступления.

Объективная сторона ст. 110 УК РФ предполагает, что виновное лицо доводит потерпевшего до самоубийства или покушения на самоубийство посредством любого из альтернативно перечисленных в ч. 1 ст. 110 УК РФ способов: угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства.

То есть, способ является обязательным объективным признаком состава доведения до самоубийства. Приведённый в анализируемой норме перечень способов является закрытым, а значит, иным образом совершить анализируемое преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, нельзя.

Отдельные авторы считают, что «в законе не совсем корректно употребляется понятие покушение на самоубийство. Самоубийство по действующему законодательству преступлением не является, следовательно, нельзя совершить покушение на то, что к преступлениям не относится» [21, с. 153].

На самом деле, покуситься можно на совершение чего угодно, исходя из значения слова «покуситься»: «попытаться сделать что-то» [30, с. 476].

Вопрос лишь в том, что «в тексте УК РФ законодатель, следуя уголовно-правовой терминологии, использует категорию «покушение» лишь применительно к совершению преступления. В составах же преступлений, связанных с самоубийством, речь не идёт об уголовной наказуемости самоубийства как такового» [26, с. 127] – отмечается авторами.

Возможно, законодателю действительно стоило бы определить неоконченное самоубийство не как «покушение на самоубийство», а как «попытку самоубийства», чтобы избежать использования категории «покушение» по тексту УК РФ в разных смысловых значениях.

Проанализируем указанные законодателем способы совершения доведения до самоубийства.

Угрозы – законодатель не конкретизирует их характер и содержание. По мнению специалистов, «угрозы представляют собой противоправное, общественно опасное, информационное воздействие на психику потерпевшего, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинить вред его правоохраняемым интересам» [20, с. 410].

Обращает на себя внимание использование категории «угроза» в ч. 1 ст. 110 УК РФ во множественном числе, что приводит к выводу о том, что одна угроза не может квалифицироваться в качестве способа доведения до самоубийства потерпевшего.

Как указывается в литературе, «содержание угроз может быть любым (они могут касаться огласки порочащих потерпевшего или его близких сведений, уничтожения или повреждения имущества, причинения вреда

здоровью потерпевшего и т.д.) Так как законодатель не конкретизирует форму, в которой угрозы могут найти своё выражение, то она может быть любой: устной, письменной, цифровой (электронной) и т.д.» [7, с. 58].

Цифровая (электронная) форма выражения угроз, как способа доведения до самоубийства – например, в социальных сетях или на каком-либо сайте в сети «Интернет», образует квалифицированный состав, предусмотренный п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Законодатель в последние годы часто использует критерий совершения преступления с использованием сети «Интернет» в качестве квалифицирующего признака, полагая что такие действия увеличивают общественную опасность содеянного.

Жестокое обращение – это «такое обращение с потерпевшим, при котором ему умышленно причиняются физические или психические страдания. Жестокое обращение может выражаться как в совершении действий, образующих самостоятельный состав преступления, так и в иных действиях, причиняющих потерпевшему страдания» [21, с. 153].

Другие авторы характеризуют такое поведение виновного как грубое и безжалостное, подчёркивая, что жестокое обращение обязательно должно иметь систематический характер: «жестокое обращение предполагает некоторую систему поступков. Именно система поступков, связанных единым умыслом, отражает общую линию поведения субъекта и может свидетельствовать о характере его обращения с потерпевшим» [20, с. 410].

Систематическое унижение человеческого достоинства «выражается в действиях, направленных на умаление положительной самооценки личности» [21, с. 153].

Более полно характеризует данный способ совершения доведения до самоубийства другими авторами: «это совершенные три раза и более, связанные единым умыслом и отражающие единую линию поведения субъекта проявления унижительного обращения с потерпевшим. Оно может

выражаться в нанесении оскорблений, распространении клеветнических сведений, травле, несправедливой критике и т.д.» [17, с. 215]

Другие специалисты подчёркивают, что «не может быть признано унижением человеческого достоинства сообщение или распространение в приличной форме правдивых сведений, умаляющих достоинство потерпевшего» [18, с. 229].

Данный авторский вывод видится правильным.

Что касается объективной стороны деяния, о котором идёт речь в ст. 110.1 УК РФ, то совершено такое преступление может путём совершения одного из двух предусмотренных законодателем действий: склонение к совершению самоубийства, либо содействие в совершении такового.

Под склонением к совершению самоубийства понимается «персонифицированные по направленности и конкретизированные по содержанию действия, направленные на возбуждение у другого лица решимости покончить с собой» [18, с. 230].

Способ склонения не имеет квалифицирующего значения и может быть любым. Создание открытого перечня способов склонения следует считать правильным шагом законодателя, при формулировании диспозиции анализируемой статьи, поскольку «главное – это то, что виновный тем или иным образом целенаправленно вызвал у потерпевшего решимость совершить самоубийство или покушение на него» [21, с. 155].

Но важно заметить, что из числа способов совершения данного деяния вполне логично должны быть исключены перечисленные в ст. 110 УК РФ способы доведения до самоубийства, образующие самостоятельный состав преступления.

Под содействием в совершении самоубийства следует понимать «выполнение виновным пособнических действий самоубийству, выражающихся в даче советов, указаний, в предоставлении информации, средств или орудий совершения самоубийства, в устранении препятствий к его

совершению, в обещании скрыть средства или орудия совершения самоубийства» [43, с. 153].

По сути, в рамках ч. 1 и ч. 2 ст. 110.1 УК РФ выделено два отдельных состава преступления, связанных с самоубийством, которые могут вменяться в вину в совокупности в том случае, если виновный изначально склонив потерпевшего к суициду, в дальнейшем оказал содействие в реализации данного намерения.

Содействие в совершении самоубийства обозначено в анализируемой диспозиции статьи как пособничество в совершении самоубийства – законодателем проведена прямая аналогия между данным составом преступления и институтом пособничества в совершении преступления. Законодатель даже использовал формулировки, характеризующие действия пособника, как соучастника преступного деяния, из текста ч. 5 ст. 33 УК РФ.

В этой связи, отдельные авторы замечают: «Проведенная законодателем параллель между пособничеством в преступлении и содействием совершению самоубийства заставляет правоприменителя резонно задать вопрос: следует ли устанавливать объективные и субъективные признаки соучастия в случаях содействия совершению самоубийства? Полагаем, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным хотя бы потому, что самоубийство либо покушение на него законодательно не рассматривается в качестве преступного поведения» [34, с. 35].

С отмеченным выводом можно полностью согласиться.

В рамках ст. 110.2 УК РФ, законодателем была произведена криминализация деяний, ранее не имевших место в российском обществе.

Ранее, как уже было отмечено, до внесения изменений в действующее уголовное законодательство и формирование новых составов преступлений, связанных с самоубийством, посредством применения ст. 110 УК РФ, невозможно было привлечь к ответственности лиц, доводивших других людей до самоубийства через различные сообщества, создаваемые в сети

«Интернет». Дело в том, что перечень способов доведения до самоубийства, указанный в ст. 110 УК РФ, был явно для этого не достаточным.

Как верно отмечают В.Е. Круковский и И.Н. Мосечкин, «диспозиция статьи не указывала таких способов, как уговоры, обман, шантаж, игровая форма, в связи с чем основная деятельность «групп смерти» не имела всех признаков состава преступления, что делало практически невозможным привлечение их организаторов к уголовной ответственности» [27, с. 199].

В качестве можно привести уголовное дело, по обвинению Б.Ф.А., возбуждённое в 2017 г.: «Тобольским районным судом Тюменской области Б.Ф.А. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ст. 110, ст. 110 УК РФ» [28].

Виновный участвовал в организации «групп смерти», но его действия по даче советов или уговоров по совершению самоубийств, адресованные другим людям, не могли быть квалифицированы как доведение до самоубийства. Кроме того, виновный использовал разнообразные приёмы психологического манипулирования, которые также не подлежали квалификации, как действия уголовно наказуемые.

Однако, с учётом того, что Б.Ф.А. в ряде эпизодов всё же использовал угрозу, как способ достижения преступного результата, это создало возможность привлечения его к уголовной ответственности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 110.2 УК РФ характеризуется деянием, которое состоит в организации противоправной деятельности, имеющей направленность на побуждение к суициду, т.е. «инициация и руководство процессом по склонению лиц к совершению самоубийства» [7, с. 59].

В качестве способов осуществления такой деятельности в диспозиции ч. 1 ст. 110.2 УК РФ законодатель называет: распространение информации о способах совершения самоубийства и призывы к совершению самоубийства.

Под распространением информации о способах совершения самоубийства авторы комментариев к действующему УК РФ понимают

сообщение таковой кому-либо – в данном случае, распространение выступает синонимом категории «разглашение».

Также авторы склонны считать, что распространением будет являться «сообщение таковой хотя бы одному лицу любым способом» [18, с. 230], но при таком подходе невозможно провести грань, разделяющую деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 110.1 УК РФ и деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, ведь доводя информацию о способе совершения самоубийства до сведения лица, виновный фактически совершает склонение данного лица к совершению самоубийства, а доводя информацию такого содержания до сведения двух, или более лиц, виновный совершает квалифицированное склонение к совершению самоубийства, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ.

Заметим, что санкция за совершение обозначенного квалифицированного деяния является более мягкой, чем санкция ч. 1 ст. 110.2 УК РФ. Возникает конкуренция составов.

Представляется, что «организация деятельности», применительно к ст. 110.2 УК РФ, должна толковаться в ином значении: как совершение систематических действий, направленных на побуждение к самоубийству неопределённого круга лиц.

Собственно, данный состав преступления был введён в УК РФ с целью создания уголовно-правового инструмента противодействия аморальной, общественно опасной деятельности, реализуемой преимущественно через глобальную сеть «Интернет», заключающейся в побуждении к суициду неограниченного и индивидуально не определённого круга лиц. В этом заключается повышенная общественная опасность такого деяния, по сравнению со склонением, ответственность за которое предусматривает ч. 1 ст. 110.1 УК РФ.

Соответственно, более удачным толкованием категории «распространение информации о способах совершения самоубийства» будет являться следующее: «это действия, направленные на получение данной

информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц» [21].

Что касается толкования содержания информации, касающейся способов совершения самоубийства, то об этом говорится в Приказе Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 351, ФНС России № ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017 г. [33]: «Наличие информации об одном и более способах совершения самоубийства; описания (демонстрации), в том числе текст, изображение или иная информация (материалы), процессов, процедур, изображающих (воспроизводящих) любую последовательность действий, и (или) возможных результатов (последствий) совершения самоубийства, средств и (или) мест для совершения самоубийства в контексте рассматриваемого способа самоубийства. Наличие информации о совокупности необходимых для самоубийства условий (выбор места, времени, способа, иные подготовительные действия, которые необходимо совершить для достижения цели самоубийства)» (п. 3.2 Приказа)

В п. 3.1 обозначенного документа также даётся толкование содержания категории «призыв к совершению самоубийства», понимаемой как выраженного во вне обращения, адресованного неопределённому кругу лиц, имеющего своей целью побуждение к совершению самоубийства.

Как указывается отдельными авторами, «это могут быть различные предложения, просьбы, или приказы совершить самоубийство; выражение одобрения совершения самоубийства, как способа решения проблемы» [27, с. 197].

К такого рода информационным сообщениям, образующим призыв к совершению самоубийства, можно также отнести:

- аргументацию, склоняющую к совершению самоубийства;
- осуждение, высмеивания неудачных попыток суицида;
- публикацию объявлений, с целью поиска партнёра для группового суицида, или лица, которое окажет содействие в организации самоубийства;

- проведение опроса на предмет выбора способа реализации намерения совершить самоубийство (наиболее безболезненного, надежного, простого, эстетичного и т.д.)

Следует отметить, что виновные, как показывает правоприменительная практика, не всегда действуют явно, занимаясь деятельностью, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 110.2 УК РФ является деянием с формальным составом и считается оконченным с момента доведения информации, содержащей описание способов совершения самоубийства или призывы к его совершению, до сведения неопределённого круга лиц.

В заключении второй глава работы, сформулируем выводы.

В уголовно-правовой науке вопрос об объекте преступления является одним из традиционно важных. Родовой объект преступлений, связанных с самоубийством – это общественные отношения, которые направлены на охрану прав и свобод личности.

В качестве основного непосредственного объекта анализируемых деяний следует определить жизнь человека, а в качестве дополнительного непосредственного объекта – честь и достоинство личности.

Ключевыми в характеристике объективной стороны преступлений, связанных с самоубийством, являются способы совершения деяний. Каждый из составов анализируемых преступлений, предусматривает свои специфические способы совершения преступлений, что и позволяет разграничить данные составы между собой.

Можно согласиться с критикой используемого законодателем оборота «покушение на самоубийство», создающего ненужные параллели с институтом покушения на преступление.

По тексту УК РФ законодатель, следуя уголовно-правовой терминологии, использует категорию «покушение» лишь применительно к совершению преступления. В составах же преступлений, связанных с

самоубийством, речь не идёт об уголовной наказуемости самоубийства как такового.

Возможно, законодателю действительно стоило бы определить неоконченное самоубийство не как «покушение на самоубийство», а как «попытку самоубийства», чтобы избежать использования категории «покушение» по тексту УК РФ в разных смысловых значениях.

Также нельзя согласиться с выводами отдельных исследователей о том, что под распространением информации о способах совершения самоубийства следует понимать сообщение данной информации хотя бы одному лицу, ведь при таком подходе невозможно провести грань, разделяющую деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 110.1 УК РФ и деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, ведь доводя информацию о способе совершения самоубийства до сведения лица, виновный фактически совершает склонение данного лица к совершению самоубийства.

Представляется, что «организация деятельности», применительно к ст. 110.2 УК РФ, должна толковаться в ином значении: как совершение систематических действий, направленных на побуждение к самоубийству неопределённого круга лиц. То есть, виновный, совершая данное преступление, не ограничивается конкретным актом склонения кого-либо к суициду – он реализует соответствующую «работу» на систематической основе, как цикличную, протяжённую во времени деятельность, нацеленную на достижение преступного результата.

Собственно, данный состав преступления был введён в УК РФ с целью создания уголовно-правового инструмента противодействия аморальной, общественно опасной деятельности, реализуемой преимущественно через глобальную сеть «Интернет», заключающейся в побуждении к суициду неограниченного и индивидуально не определённого круга лиц. В этом заключается повышенная общественная опасность такого деяния, по сравнению со склонением, ответственность за которое предусматривает ч. 1 ст. 110.1 УК РФ.

Глава 3 Особенности субъективных признаков преступлений, связанных с самоубийством

3.1 Особенности субъекта преступлений, связанных с самоубийством

К числу субъективных признаков составов преступлений традиционно относят субъекта и субъективную сторону преступления.

Категория «субъект преступления» касается определения того, кто именно и при каких условиях может нести уголовную ответственность за совершённое преступление, в соответствии с нормами УК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста».

При этом, «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости» (ч. 1 ст. 21 УК РФ)

«Общий возраст привлечения к уголовной ответственности – 16 лет. Для ряда составов преступлений законодатель установил пониженный порог ответственности – соответствующие составы перечислены в ч. 2 ст. 20 УК РФ» [21, с. 155] – верно указывается специалистами.

Быть субъектом указанных в этой норме деяний может быть лицо, достигшее возраста 14 лет. Также возможность совершения некоторых преступлений законодатель связывает с достижением совершеннолетнего возраста – субъект таких противоправных посягательств должен достичь к моменту совершения преступления возраста 18 лет. Например, такое требование предъявляется к субъекту преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления».

Для составов преступлений, связанных с самоубийством, законодатель не предусмотрел подобных исключений из общего правила. Поэтому субъектом

данных противоправных деяний может выступать лицо, достигшее возраста 16 лет (так называемый, общий субъект преступления).

В науке высказывается точка зрения, связанная с необходимостью снижения возраста уголовной ответственности за преступления, связанные с самоубийством: «при установлении возраста уголовной ответственности за убийство законодатель исходил из того, что в 14-летнем возрасте все граждане страны (за исключением лиц, страдающих выраженными проявлениями психических расстройств) способны не только сознавать фактический характер и общественную опасность такого деяния, но и контролировать свои действия по недопущению совершения убийства. Если подросток в 14 лет понимает, что означает слово убийство и что его ожидает в случае совершения этого преступления, то возможно признать подобное понимание в этом возрасте и в отношении доведения до самоубийства» [6, с. 29].

Аналогичная точка зрения высказана Я.Э. Красковским и Н.А. Яшиным: «представляется, что положительным моментом в деле предупреждения рассматриваемых деяний может стать и снижение возраста привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 110-110.2 УК РФ. Снижение возрастного порога за преступления, связанные с суицидом, поможет вовремя пресечь в подрастающем поколении склонности к насилию, жестокости и не даст развиваться им в более позднем возрасте» [26, с. 129].

Таким образом, поддерживая высказанные в науке точки зрения, следует сделать вывод о необходимости снижения возраста уголовной ответственности для субъекта преступлений, связанных с самоубийством с 16 до 14 лет, внося изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, путём включения в перечень составов, предполагающих пониженный возраст уголовной ответственности, ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ.

Для возможности привлечения к уголовной ответственности за анализируемые деяния лицо, как уже было отмечено, должно быть вменяемым. То есть, способность нести ответственность за содеянное,

законодатель совершенно оправданно связывает со способностью лица понимать значение своих действий и возможностью руководить таковыми.

Вменяемость, как пишут специалисты, это «психическое состояние лица, заключающееся в его способности по уровню социально-психологического развития, социализации, возрасту и состоянию психического здоровья отдавать отчет в своих действиях, бездействии и руководить ими во время совершения преступления и, как следствие этого, в способности нести уголовную ответственность и наказание» [39, с. 172].

Несколько иным образом определяет вменяемость М.С. Гринберг, который считает, что «вменяемость – это такое состояние психики человека, которое характеризуется способностью осознавать фактический общественно опасный характер своих действий (бездействий) и руководить ими. Это такое состояние психики, при котором человек обладает свободой действий, т.е. может осознавать значение своих действий и руководить ими» [8, с. 105].

Специалисты едины во мнении, что вменяемость характеризуется двумя критериями: юридическим (психологическим) и медицинским (биологическим).

«Юридический критерий предполагает возможность лица понимать и осознавать фактические аспекты совершаемого деяния, его внешнюю сторону, причинную связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями и т.д. Должна осознаваться также социальная значимость содеянного, а также должна присутствовать способность лица руководить своими поступками» [35, с. 25] – пишут в литературе по этому поводу.

Что касается медицинского критерия вменяемости, то, как полагает А.Г. Бабичев, «он касается определения состояния психики субъекта преступления во время его совершения: отсутствие определенных психических заболеваний и недостатков умственного развития, определенный уровень социализации личности» [4, с. 92].

Только наличие совокупности юридического и медицинского критерия позволяет сделать вывод о вменяемости индивида и его способности нести

ответственность за содеянное – относительно анализируемых составов, за совершение преступления, связанного с самоубийством, как полностью вменяемого субъекта.

Иногда законодатель определяет специальные признаки, которым должно соответствовать лицо, совершившее противоправное посягательство, для того, чтобы нести за него ответственность, или для того, чтобы нести ответственность за квалифицированный состав деяния.

Речь идёт о специальном субъекте преступления. Иногда наличие специальных признаков у субъекта преступления повышает общественную опасность содеянного им, возводя её на иной уровень.

Например, является квалифицированным составом вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, совершённое родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 151 УК РФ).

Как представляется, подобный критерий законодатель мог бы использовать и при выделении отдельных квалифицированных составов преступлений, связанных с самоубийством. Очевидно, что совершение анализируемых деяний в отношении несовершеннолетнего лицом, которое должно было способствовать всестороннему нравственному и интеллектуальному становлению личности, повышает общественную опасность содеянного, ввиду особой аморальности противоправного поведения виновного.

Несмотря на отсутствие такого признака в диспозициях составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, при квалификации содеянного в отношении несовершеннолетнего потерпевшего лицом, находящимся с ним в особой правовой связи, предполагающей обязанность проявления высоконравственного отношения, следует учесть положение п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ: в данной норме законодатель называет такое обстоятельство в качестве отягчающего наказание.

Таким образом, у правоприменителя есть возможность учесть данное обстоятельство, указанное в Общей части УК РФ и таким образом индивидуализировать наказание виновному, с учётом повышенной общественной опасности его противоправного поведения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъект преступлений, связанных с самоубийством, является общим. Соответственно, уголовную ответственность за содеянное может нести вменяемое физическое лицо, которому исполнилось 16 лет на момент доведения до самоубийства потерпевшего, склонения к таковому, или содействия в его совершении, равно, как и при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

3.2 Особенности признаков субъективной стороны преступлений, связанных с самоубийством

Субъективная сторона преступления является одной из самых сложных составляющих состава преступления, ввиду того, что под таковой понимается «психическая деятельность субъекта преступления, которая имела место при подготовке, совершении и сокрытии данного преступления» [38, с. 107].

Как указывается в комментариях к действующему УК РФ, «вина – является единственным признаком субъективной стороны преступления, который обязателен для любого состава, включая преступления, связанные с самоубийством. Остальные элементы (мотив, цель и эмоции), составляющие сферу внутреннего мировосприятия лица, совершающего преступное деяние, являются факультативными – обязательность их установления при квалификации преступления может обуславливаться только включением в конкретную статью Особенной части УК РФ в качестве конструктивного признака» [18, с. 230].

Действительно, во всех остальных случаях их установление не обязательно, но учёт факультативных признаков субъективной стороны

состава преступления может быть произведён судом и оказать влияние на вид и размер уголовного наказания при вынесении приговора.

В отношении преступлений, связанных с самоубийством, законодатель не конкретизирует форму вины, что оставляет простор для дискуссий.

В основном, авторы склонны считать, что в составах преступлений, связанных с самоубийством, может быть только умышленная форма вины, однако, некоторые специалисты высказывали мнение о том, что «в доведении до самоубийства может иметь место только неосторожная форма вины, в противном случае при наличии умысла всё совершенное следует квалифицировать как убийство особым способом» [12, с. 101].

Однако, такая точка зрения не разделяется учёными. Такой подход противоречит сущности рассматриваемых составов преступлений.

По мнению Р.З. Авакяна, «даже при наличии прямого умысла на доведение до самоубийства содеянное не может быть признано убийством, так как потерпевший самостоятельно принимает решение расстаться с жизнью и сам же приводит его в исполнение» [1, с. 72].

Действительно, нет никаких оснований отождествлять самоубийство и убийство лишь по критерию цели, которую ставил перед собой виновный в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 110.1 или 110.2 УК РФ.

Применительно к разным составам анализируемых преступных деяний вид умысла, как обязательного признака субъективной стороны преступления, разный. Рассмотрим подробнее.

Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Определение данных разновидностей умысла сформулировано в ст. 25 УК РФ. Как указывается в комментариях к действующему УК РФ, «при любой форме умысла виновный осознаёт общественную опасность деяния и предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. Однако, при прямом умысле виновный желает наступления общественно

опасных последствий, а при косвенном умысле не желает, но сознательно допускает, либо относится к их наступлению равнодушно» [17, с. 211].

С мнением отдельных авторов о возможности совершения доведения до самоубийства с любым умыслом – «как с прямым умыслом, так и с косвенным, как по легкомыслию, так и в результате небрежности» [21, с. 155] вряд ли можно согласиться.

Примечательно, что большинство авторов комментариев к действующему УК РФ считает, что в составе преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, имеет место только прямой или косвенный умысел – такое мнение выражает авторский коллектив под редакцией А.В. Бриллиантова [20, с. 410], под редакцией А.И. Чучаева [19, с. 276], под редакцией С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова [22, с. 295] и т.д.

Аналогичный вывод делается и в публикациях, посвящённых исследуемой составляющей субъективной стороны преступлений, связанных с самоубийством: «в соответствии с действующей редакцией ст. 110 УК РФ, которую следует признать базовой для исследуемых преступлений, доведение до самоубийства или покушения на самоубийство однозначно предполагает умышленную форму вины при совершении данного преступления. При этом, то следует признать, что доведение до самоубийства возможно и с прямым, и с косвенным умыслом» [10, с. 37].

Исходя из диспозиции ст. 110.1 УК РФ, как склонение к совершению самоубийства, так и содействие в совершении самоубийства может совершаться только с прямым умыслом.

«Виновный осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит, что в результате его деяния виновный совершит самоубийство, и желает самоубийства потерпевшего» [21, с. 157] – пишут авторы комментария к действующему УК РФ.

Аналогичная разновидность умысла имеет место и при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Данное преступление тоже предполагает лишь прямой

умысел: «виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит, что он своими действиями побуждает граждан к совершению самоубийств, и желает этого» [21, с. 158].

К такому выводу приходят и авторы научных публикаций, посвящённых новым составам преступлений, связанных с самоубийством: «субъективная сторона анализируемых составов характеризуется умышленной формой вины, в частности прямым умыслом» [27, с. 202].

Законодателю следовало бы конкретизировать форму вины в ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, чтобы исключить неоднозначность подходов к толкованию субъективной стороны данных преступлений.

Таким образом, обобщая сказанное, следует сделать вывод о том, что все анализируемые преступления, связанные с самоубийством, характеризуются умышленной формой вины: при доведении до самоубийства возможен как прямой, так и косвенный умысел, а при склонении или содействии совершению самоубийства, равно, как и при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства – только прямой умысел.

Виновный, как указывает А.Ю. Сичкаренко, применительно к составу содействия в совершении самоубийства, «может следовать как из корыстно-личностной заинтересованности виновного в самоубийстве жертвы, так и из чувства сострадания к последней» [34, с. 36].

То есть, мотивация преступного поведения при совершении анализируемой категории преступлений, не обязательно должна быть низменной.

Следует сделать обоснованный вывод о том, что мотивация поведения виновного в совершении преступлений, связанных с самоубийством, может быть любой и не имеет квалифицирующего значения, равно, как и иные факультативные элементы субъективной стороны рассматриваемых деяний.

В заключении третьей главы работы сформулируем следующие выводы.

Можно сделать вывод о том, что субъект преступлений, связанных с самоубийством, является общим. Соответственно, уголовную ответственность за содеянное может нести вменяемое физическое лицо, которому исполнилось 16 лет на момент доведения до самоубийства потерпевшего, склонения к такому, или содействия в его совершении, равно, как и при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Поддерживая высказанные в науке точки зрения, следует сделать вывод о необходимости снижения возраста уголовной ответственности для субъекта преступлений, связанных с самоубийством с 16 до 14 лет, внося изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, путём включения в перечень составов, предполагающих пониженный возраст уголовной ответственности, ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ.

Обобщая сказанное специалистами о субъективной стороне анализируемых деяний, следует сделать вывод о том, что все преступления, связанные с самоубийством, характеризуются умышленной формой вины: при доведении до самоубийства возможен как прямой, так и косвенный умысел, а при склонении или содействии совершению самоубийства, равно, как и при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства – только прямой умысел.

Несмотря на высказываемые в науке мнения, указанные противоправные деяния не могут быть совершены по преступному легкомыслию или небрежности.

Законодателю следовало бы конкретизировать форму вины в ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, чтобы исключить неоднозначность подходов к толкованию субъективной стороны данных преступлений.

Мотивация поведения виновного в совершении преступлений, связанных с самоубийством, может быть любой и не имеет квалифицирующего значения, равно, как и иные факультативные элементы субъективной стороны рассматриваемых деяний.

Заключение

В заключении проведённой работы подведём её общие итоги и определим выводы, направленные на последовательное совершение регулирования в данном направлении.

Поскольку определение самоубийства (суицида) отсутствует в нормативно-правовом регулировании, но, при этом, выступает в качестве терминологической основы осуществления уголовного преследования за преступления, связанные с самоубийством, предусмотренные ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, представляется необходимым определить содержание данного понятия.

Опираясь на выделенные в науке критерии, можно сформулировать следующее определение самоубийства: это совершение индивидом добровольных, самостоятельных, осознанных действий, непосредственно направленных на незамедлительное лишение себя жизни и достаточных для этого при обычных условиях.

Данное определение может позволить разграничить самоубийство (суицид) и другие формы саморазрушительного поведения, а также позволить провести разграничение с убийством, как противоправным лишением жизни другого человека.

История развития норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с самоубийством в отечественном уголовном праве, берёт своё начало в дореволюционном законодательстве.

Первоначально, преступными и наказуемыми считалось как лишение жизни себя, так и содействие таковому в отношении других лиц, что находило своё последовательное развитие в законодательстве начиная с периода правления Петра I. Значительная проработка соответствующих норм произошла в ряде кодифицированных актов, принятых в XIX столетии.

На данном этапе попытка добровольного лишения себя жизни каралась лишением жизни принудительно, в качестве уголовного наказания, что не

может не вызывать удивления. Таким образом, ответственность за попытку совершения самоубийства была крайне суровой и единственным объяснением такого подхода со стороны законодателя может быть лишь обеспечение предупреждения совершения самоубийств, путём устрашения населения строгостью наказания.

В конечном итоге, к установлению уголовной ответственности для лица, реализовавшего намерение лишить себя жизни, по мере развития научной мысли, сформировалось критическое отношение. В результате реформирования уголовного законодательства, ответственность за самоубийство была исключена. Соответствующая тенденция сохранилась в советском уголовном законодательстве. Во второй половине XX столетия, преступным и наказуемым стало считаться лишь доведение до самоубийства. Преимущество соответствующего состава прослеживается и в нормах принятого в 1996 г. УК РФ.

В дальнейшем, в результате целенаправленных законодательных изменений, УК РФ пополнился уголовно-правовыми средствами противодействия разным формам противоправного поведения, связанного с самоубийством (особенно среди несовершеннолетних), что следует оценить положительно.

В уголовно-правовой науке вопрос об объекте преступления является одним из традиционно важных. Родовой объект преступлений, связанных с самоубийством – это общественные отношения, которые направлены на охрану прав и свобод личности.

В качестве основного непосредственного объекта анализируемых деяний следует определить жизнь человека, а в качестве дополнительного непосредственного объекта – честь и достоинство личности.

Ключевыми в характеристике объективной стороны преступлений, связанных с самоубийством, являются способы совершения деяний. Каждый из составов анализируемых преступлений, предусматривает свои

специфические способы совершения преступлений, что и позволяет разграничить данные составы между собой.

Можно согласиться с критикой используемого законодателем оборота «покушение на самоубийство», создающего ненужные параллели с институтом покушения на преступление.

По тексту УК РФ законодатель, следуя уголовно-правовой терминологии, использует категорию «покушение» лишь применительно к совершению преступления. В составах же преступлений, связанных с самоубийством, речь не идёт об уголовной наказуемости самоубийства как такового.

Возможно, законодателю действительно стоило бы определить неоконченное самоубийство не как «покушение на самоубийство», а как «попытку самоубийства», чтобы избежать использования категории «покушение» по тексту УК РФ в разных смысловых значениях.

Также нельзя согласиться с выводами отдельных исследователей о том, что под распространением информации о способах совершения самоубийства следует понимать сообщение данной информации хотя бы одному лицу, ведь при таком подходе невозможно провести грань, разделяющую деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 110.1 УК РФ и деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, ведь доводя информацию о способе совершения самоубийства до сведения лица, виновный фактически совершает склонение данного лица к совершению самоубийства.

Представляется, что «организация деятельности», применительно к ст. 110.2 УК РФ, должна толковаться в ином значении: как совершение систематических действий, направленных на побуждение к самоубийству неопределённого круга лиц. То есть, виновный, совершая данное преступление, не ограничивается конкретным актом склонения кого-либо к суициду – он реализует соответствующую «работу» на систематической основе, как цикличную, протяжённую во времени деятельность, нацеленную на преступный результат.

Собственно, данный состав преступления был введён в УК РФ с целью создания уголовно-правового инструмента противодействия аморальной, общественно опасной деятельности, реализуемой преимущественно через глобальную сеть «Интернет», заключающейся в побуждении к суициду неограниченного и индивидуально не определённого круга лиц. В этом заключается повышенная общественная опасность такого деяния, по сравнению со склонением, ответственность за которое предусматривает ч. 1 ст. 110.1 УК РФ.

Можно сделать вывод о том, что субъект преступлений, связанных с самоубийством, является общим. Соответственно, уголовную ответственность за содеянное может нести вменяемое физическое лицо, которому исполнилось 16 лет на момент доведения до самоубийства потерпевшего, склонения к такому, или содействия в его совершении, равно, как и при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Поддерживая высказанные в науке точки зрения, следует сделать вывод о необходимости снижения возраста уголовной ответственности для субъекта преступлений, связанных с самоубийством с 16 до 14 лет, внося изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, путём включения в перечень составов, предполагающих пониженный возраст уголовной ответственности, ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ.

Обобщая сказанное специалистами о субъективной стороне анализируемых деяний, следует сделать вывод о том, что все преступления, связанные с самоубийством, характеризуются умышленной формой вины: при доведении до самоубийства возможен как прямой, так и косвенный умысел, а при склонении или содействии совершению самоубийства, равно, как и при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства – только прямой умысел.

Несмотря на высказываемые в науке мнения, указанные противоправные деяния не могут быть совершены по преступному легкомыслию или небрежности.

Законодателю следовало бы конкретизировать форму вины в ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, чтобы исключить неоднозначность подходов к толкованию субъективной стороны данных преступлений.

Мотивация поведения виновного в совершении преступлений, связанных с самоубийством, может быть любой и не имеет квалифицирующего значения, равно, как и иные факультативные элементы субъективной стороны рассматриваемых деяний.

Таким образом, завершая анализ преступлений, связанных с самоубийством, необходимо положительно оценить усилия законодателя, предпринятые в направлении противодействия таким общественно опасным деяниям. С учётом того, что ряд составов преступлений в данной сфере был введён сравнительно недавно, требуется формирование общих подходов к уголовно-правовой оценке действий виновных лиц, а также внесение соответствующих корректировок в нормы УК РФ, основанных на предложениях учёных.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авакян Р.З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1971. 562 с.
2. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. МЗ РСФСР. М., 1980. 55 с.
3. Артикул воинский от 26.04.1715 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. / Ю.П. Титов. - М. : Проспект, 2008.
4. Бабичев А.Г. Убийство (ч. 1 ст. 105 УК России): уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 245 с.
5. Балабанова Л. Судебная психология. Донецк : Сталкер, 1998. 432 с.
6. Бойко И.Б. К вопросу о понятии «самоубийство» // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ГОУ ВПО МГОУ. 2009. № 4. С. 24-29.
7. Быков А.В. Уголовно-правовые проблемы криминализации возбуждения суицидального поведения и способствования в совершении самоубийства // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 57-60.
8. Гринберг М.С. Еще раз о специальной вменяемости и о юридически значимой причинной связи // Государство и право. 2007. № 3. С. 100-106.
9. Демидов Ю.А. Человек – объект уголовно-правовой охраны // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 150-157.
10. Елисеева Н.М. К вопросу о содержании субъективной стороны квазисоучастия в доведении до самоубийства // Российский следователь. 2020. № 1. С. 35-38.
11. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2004. 480 с.
12. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1961. 251 с.

13. Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юридическая литература, 1975. 620 с.
14. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (Вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
15. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть общая и особенная. СПб., 1866. 551 с.
16. Комарова В.В. Право на жизнь в доктрине и в праве // Право и государство: теория и практика. 2013. № 5. С. 46-49.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. - М. : Проспект, 2011. 824 с.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. - М. : Проспект, 2021. 816 с.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. - М. : КОНТРАКТ, 2013. 672 с.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. - Т. 1. - М. : Проспект, 2015. 792 с.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. - Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. - М.: Юрайт, 2017. 371 с.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. - М. : Юриспруденция, 2013. 912 с.
23. Константинов П. Объект убийства: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2005. № 2. С. 35-39.
24. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.

25. Коробеев А.И. Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. II. Преступления против личности. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 255 с.

26. Красковский Я.Э., Яшин Н.А. К вопросу о криминологической обусловленности уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом // Современное право. 2019. № 6. С. 126-129.

27. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196-215.

28. Материалы уголовного дела № 1-51-2017 по обвинению Б.Ф.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ст. 110, ст. 110 УК РФ // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

29. Морской устав 1720 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. М, 1986.

30. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М. : Рус. яз., 1987. 797 с.

31. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

32. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г.» (Вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

33. Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 351, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017 г. «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, федеральной

налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // *Официальный интернет-портал правовой информации* <http://www.pravo.gov.ru>.

34. Сичкаренко А.Ю. Ассистированное самоубийство // *Законность*. 2019. № 5. С. 34-39.

35. Спасенников Б.А. К вопросу о вменяемости подсудимого // *Российский судья*. 2013. № 4. С. 22-26.

36. Суицидология: учебное пособие / И.Л. Шелехов, Т.В. Каштанова, А.Н. Корнетов, Е.С. Толстолес. Томск: Сибирский государственный медицинский университет, 2011. 203 с.

37. Трунов Д.Г. Определение суицида: поиск критериев // *Суицидология*. 2016. Т. 7. № 1 (22). С. 64-67.

38. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

39. Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. - М., 1997. 495 с.

40. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. // *Хрестоматия по истории государства и права России*. СПб., 1999.

41. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // *СЗ РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

42. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. 1. XI-XIX века. М., 1999.

43. Устинова Т.Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. 2020. № 3. С. 151-159.

44. Федеральный закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

45. Хатуев В.Б. Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 81-95.